

В.А.Горончаровский

МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ВАРВАРАМИ: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры

V.A. Goroncharovskii. Between the Empire and the Barbarians: the Military and Political History of Bosphorus on the Turn of Our Era.

The article analyses the military and political situation and the dynastic fight in Bosphorus on the turn of eras.

After Dynamia, granddaughter of Mitridates Eupatores, came to throne in Bosphorus, Rome most likely feared restoration of the great Pontus tzar traditions here. Wishing to prevent the potential threat to the north-eastern frontiers of the Empire, Rome in the person of Mark Vipsanius Agrippa supported Polemon, Pontus tzar, thus organising an opposition between the latter and Dynamia. This fight ended not in favour of Bosphorus queen. Polemon came to throne after her, while Dynamia probably was sent to Rome as a hostage, where she spent time till Polemon's death in 8 B.C. Apparently, after his death Dynamia took Bosphorus throne for the second time, already sanctioned by Augustus (8 B.C. – 7 B.C.)

It was in 14 B.C., still during Polemon's rule, that in the Aspurgians joined the fight against him, Rome's protégé. The author, following M.I. Rostovtsev, sees the Aspurgians not as an ethnic group, but rather as a military detachment of the Sarmatian leader Aspurg. Gradually, the Aspurgians apparently fully adapted to the local version of the Classical civilisation, and some of them joint the leading elite. All this contributed to an easier coming to power in Bosphorus of Aspurg (14-38), who, after his visit to Rome in 14 A.D., obtained the title of tzar from Tiberius. Supported by a union with the Sarmatian tribes, Bosphorus in this period represents a serious power, which controlled military and political situation in the North-Eastern Black Sea region. This state of affairs had preserved till 40s of I A.D., when Bosphorus saw the events connected with an outbreak of Mithridates III against Rome.

С конца I в. до н.э. военно-политическая ситуация на Боспоре определялась, прежде всего, тремя факторами: активными контактами с поздними скифами на западных рубежах, сарматами на восточных и с Римской империей, заинтересованной в сохранении его как буферного государства на северо-восточной окраине своих владений. Стремление римских властей, начиная с Юлия Цезаря, иметь здесь в лице дружественного правителя «оплот против варварских и враждебных царей» (С. Iulii Caes. De bello Alex. 78) вполне понятно, но достигнуть этой цели удалось далеко не сразу. Боспорское царство попадает в относительную зависимость от своего могущественного соседа, видимо, только в период правления Асандра (47-17 гг. до н.э.), когда после 22 г. до н.э., Август занимается на Востоке реорганизацией вассальных царств (Каллистов 1940: 65; Голубцова 1951: 85 сл.; Сапрыкин 1996: 314).

Показательно, что термин *φιλορώμαιος* применительно к Асандру впервые появляется только в посвящении наварха Панталеонта, относящемся к последним годам его царствования, поскольку в нем в качестве второго эпонима выступает царица Динамия. По мнению В.П.Яйленко, это обстоятельство свидетельствует о факте соправительства Асандра и Динамии. При этом он считал, что золотая чеканка от имени последней началась только после смерти царя, имея в виду статер 16 г. до н.э. (Яйленко 1987: 31). Теперь, среди находок в святилище на крымской яйле близ Ялты, нам известен уникальный статер Динамии 21 г. до н.э.

(Сапрыкин 1990: 204 сл.), что заставило многих исследователей внести коррективы в сложившиеся представления о династической истории Боспора (см.: Яйленко 1990: 140 сл.). Не вдаваясь в дискуссию относительно начала чеканки самого Асандра, которую теперь принято относить к 50/49 гг. до н.э. (соответственно сдвигается и дата его смерти на тридцатом году правления), заметим, что от прежней датировки правления Асандра на Боспоре отказываться пока рано. Трудно предположить передачу Фарнаком права чеканки золотых монет другому, пускай даже влиятельному, лицу, за три года до смерти, на волне роста его могущества, позволившего вступить в противоборство с Римом за понтийское наследство. Видимо, не остается ничего другого, как признать возможность, по крайней мере с 21 г. до н.э., одновременной чеканки золотых статеров от имени и Асандра, и Динамии (Болтунова 1989: 89; Парфенов 1997: 128). Такая практика известна в монетном деле эллинистического времени (Davis, Kraay 1980: III. 20-22, 25, 26, 28 etc.). Таким образом, посвящение Панталеонта, скорее всего, было сделано между 21 и 17 гг. до н.э., с которого началось самостоятельное правление Динамии, что свидетельствовало об отсутствии наследника, способного занять трон (Устинова 1969: 61 сл.; Яйленко 1990: 134).

Отношение Августа к этой царице, как внучке Митридата Евпатора, наиболее образно выразил М.И.Ростовцев: «вручить ей одной Боспор было неосторожно, не считаться с нею невозможно» (Ростовцев 1918: 146). Видимо, рим-

ские власти опасались, прежде всего, возрождения на Боспоре митридатовских традиций, т.е. усиления местных правителей, главным образом, за счет опоры на варварскую периферию и военно-хозяйственных поселенцев, привлеченных преимущественно из местных племен (Сапрыкин 1985 б: 63 сл.; 1996: 315). Это могло рассматриваться как потенциальная угроза северо-восточным границам Империи.

Еще при жизни Асандра на Боспоре появился некий Скрибоний (Масг. 17), объявивший себя внуком Митридата VI Евпатора и утверждавший, что сам Август сделал его царем (Dio Cass. LIV, 24.4). Вполне возможно, так оно и было (Яйленко 1990: 135; Сапрыкин 1995: 188 сл.). Царица Динамия, не желая углублять конфликт, вышла за него замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался. В любом случае, поставленной перед ним задачи он не выполнил, и не замедлило последовать прямое вмешательство Рима. Полководец М. Випсаний Агриппа, зять Августа, от его имени решавший на Востоке дела римских провинций и вассальных государств, в 14 г. до н.э. поручил понтийскому царю Полемону устранить Скрибония. Боспорцы, не желая войны, и, скорее всего, при поддержке Динамии, сделали это сами и пытались помешать Полемону утвердиться в его новых владениях. Тогда Агриппа решил поддержать своего ставленника, предприняв поход против непокорного царства. Сначала корабли Агриппы сосредоточились у Синопы, которая стала базой подготовки вторжения. Как известно, отсюда пролегал краткий морской путь к северным берегам Понта, в херсонесскую гавань и далее в Феодосию и Пантикапей (Максимова 1956: 145 сл.). Ранее по этому маршруту, очевидно, уже проследовал Полемон, получивший от Херсонеса военную поддержку.¹ На данное обстоятельство указывает надпись в честь местного гражданина, возглавившего вспомогательный отряд, отправленный на помощь царю (IPE, II, 419; Кадеев 1981: 17; Соломоник 1990: 26 сл.). Из используемого обычно сообщения Диона Кассия, который не вдается в подробности², следует, что уже сама угроза римского вторжения побудила враждебные Полемону силы сложить оружие и подчиниться (Dio. Cass. LIV. 24.4).

Итак, в отечественной историографии утвердилось мнение о том, что упомянутое предприятие Агриппы осталось незавершенным в отношении его непосредственного участия в военных действиях (См.: Гайдукевич 1949: 315 сл.;

¹ Возможно, одним из первых боспорских укреплений, разрушенных Полемоном на пути его продвижения к Пантикапею, стала Кутлакская крепость (Афинон?) в 60 км к западу от Феодосии (Ланцов 1999: 134).

² Еще Д.П.Каллистов отмечал наличие у Диона Кассия какой-то путаницы, «по-видимому, обусловленной ненадежностью его первоисточников» (Каллистов 1940: 69).

Сапрыкин 1995: 192). Между тем Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» повествует о присоединившейся у Синопы к Агриппе флотилии царя Ирода³ и далее о том, что «во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях (sic!), советником в серьезные минуты... всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости...», пока не «окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда» (Ios. Fl. Ant. Jud. XVI. 2.2). Следовательно, можно говорить о том, что, по крайней мере на первых порах, Боспор был приведен к покорности с помощью самого Агриппы. Отметим также свидетельства поздних авторов: включение Евтропием в перечисление стран и народов, побежденных и покоренных Римом при Августе, всех городов Понта, «среди которых наиболее известными были Боспор и Пантикапей» (Eutr. VII. 9; см. также: Euseb. II, 14,12) и упоминание Орозием в данном контексте военной победы Агриппы (P. Oros. VI. 21.28). В пользу успешных действий Агриппы на Боспоре говорит и тот факт, что по возвращении в Рим сенат назначил ему триумф, который, впрочем, так и не был отпразднован (Dio. Cass. LIV. 24.10).

А.А.Масленников, не исключавший усиления войска Полемона римскими солдатами при его отправлении на Боспор (Масленников 1995: 162) считает возможным сопоставить последовавшие военные действия с гибелью в пожаре поселений «Полянка» и «Чокракский мыс» на азовском побережье Керченского полуострова и расположенной возле Узунларского вала сторожевой башни (Масленников 1995: 158 сл.). Крупные разрушения с последующими перестройками зафиксированы также в Семеновке, Ново-Отрадном, Андреевке Северной, Артезиане, Салачике, Генеральском-Восточном, Силеновой бухте, Золотом и ряде других (Кругликова 1975: 104 сл.; Масленников 1995: 160). Где-то после правления Асандра, судя по находкам его монет, гибнет крепость Порфмий в районе переправы через пролив (Масленников 1995: там же). Следы разрушения отмечены и для ряда районов Фанагории (АГСП 1984: 79). В то же время Пантикапей в это смутное время не пострадал и, очевидно, действительно сдался, покончив дело миром⁴. Так или иначе, результат был достигнут: во главе царства оказался римский ставленник. Динамия же, если верно

³ Это сообщение не было включено в SC и, насколько нам известно, этот факт отметили только Е.С.Голубцова и М.Б.Шукин, впрочем, и они посчитали, что непосредственное вмешательство в боспорские дела не понадобилось (Голубцова 1951: 89 сл.; Шукин 1994: 179).

⁴ М.Ю.Трейстер, полагая, что фибулы типа «Авцисса» 22a2 можно рассматривать как деталь римского военного костюма на рубеже н.э., связывает серию их, найденную в Пантикапее, с участием римских солдат в событиях на Боспоре, например, в походе Полемона (Трейстер 1993: 69).

предположение Ч.Б.Роуза о том, что она с сыном изображена на южном фризе Алтаря Мира рядом с Агриппой (Rose 1990: 453-467), отправилась в качестве заложницы в Рим, где и пребывала вплоть до смерти Полемона в 8 г. до н.э. (Parfenov 1996: 95-103; Парфенов 1997: 132). Данная гипотеза весьма заманчива и многое объясняет в отношении предполагаемого второго правления Динамии в 8 г. до н.э. — 7 г. н.э. (см., напр.: Ростовцев 1916: 1-16; Каллистов 1940: 69 сл.; Гайдукевич 1949: 316 сл.; Виноградов 1994: 154; Funck 1986: 32). Таким образом, брак царицы с Полемоном так и не состоялся или был весьма непродолжительным (Парфенов 1997: 131; Parfenov 1996: 100 ff.). Тогда понятно, почему, женившись по указанию Августа на Пифодориде, внучке Марка Антония, он успел произвести на свет двух сыновей и дочь. Полемон никогда не забывал, кому он был обязан властью на Боспоре, и, видимо, сразу после смерти Агриппы в 12 г. до н.э., демонстративно переименовывает Гермонассу в Кесарию, а Фанагорию — в Агриппию (Яйленко 1987: 79; 1990: 141 сл.).⁵

Впрочем, положение нового царя не было достаточно прочным, особенно в азиатской части Боспора. Очевидно, уже в ходе военных действий 14 г. до н.э. в борьбу против Полемона и римлян включились аспургиане, выходцы из сарматского кочевого мира, обитавшие между Горгиипией и Фанагорией (Strabo. XI, 2, 11; XII, 3, 29)⁶. Скорее всего, их название произошло от топонима, связанного с неким Аспургом и подвластными ему воинами (Яйленко 1987: 35-39), которым Асандр предоставил территорию для поселения.⁷ Наиболее вероятным представляется, что аспургиане продвинулись к границам Боспора из района Нижнего Поволжья, где, судя по ситуации, описанной Тацитом (Tac., Ann., VI, 33), действовало независимо друг от друга достаточно много сарматских вождей-скептухов, самостоятельно заключавших военные союзы с правителями соседних стран. Возможно, установившиеся связи аспургиан с правящей династией, по примеру Митридата Евпатора (App. Mithr. 102), были дополнительно укреплены родственными отношениями.

В том, что аспургиане появились на Боспоре именно при Асандре, а не ранее, на рубеже II-I вв. до н.э. (Десятчиков 1974: 6; Сокольский 1976: 89; Сапрыкин 1985: 65 сл.; Щукин 1994: 176), убеждает найденная на Таманском полуострове, в резиденции Хрисалиска, плита с надписью, упоминающей самого владельца, его

покровительницу — богиню Тихе и царя Асандра (Сокольский 1976: 40: Рис. 30). Когда-то она была вмонтирована в стену на видном месте, над входом в дом. Ошибки, допущенные при изготовлении надписи, говорят о том, что обитатели крепости не до конца еще овладели греческим языком и находились на начальной стадии превращения их в боспорцев (Сокольский 1976: 106 сл.). По вполне обоснованному мнению Н.И.Сокольского, этот Хрисалиск, хотя и носил греческое имя, происходил из среды аспургиан (Сокольский 1975: 28).

Судя по всему, Асандр, активно занимавшийся укреплением рубежей своего царства (Strabo. VII, 4, 6; XI, 11, 11; Сокольский 1957: 91 сл.; Масленников 1990: 97; Толстиков 1992: 50 сл.), в данной ситуации действовал так же, как и его младший современник Ирод Великий (37-4 гг. до н.э.). Иосиф Флавий сообщает, что, желая укрепить свои позиции на восточных границах подвластных ему земель, иудейский царь предоставил там область для поселения некоему вавилонянину, перешедшему «через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников... Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих», а также «создать оплот лично для себя. Вместе с тем, он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему (т.е. вавилонянину — В.Г.) в безвозмездное пользование» (Jos. Fl. Ant. Jud., XVII, 2, 1). Такие привилегии могли получить и аспургиане, которые стали для правящей династии надежной опорой на Азиатском Боспоре и той военной силой, на которую всегда можно было рассчитывать в борьбе с внешними и внутренними врагами.

Возвращаясь к упомянутому фризу Алтаря Мира, отметим, что представленный здесь с матерью-царицей ребенок лет пяти, увенчанный диадемой, имеет явно варварские черты и носит на шее гривну. Могла ли уже немолодая Динамия, которой к 9 г. до н.э., когда завершаются работы над алтарем, было не меньше 50 лет, иметь маленького сына? Вряд ли. Напрашивается еще одно предположение: в критический момент, чтобы обеспечить полную поддержку сильных в военном отношении аспургиан боспорская царица могла официально усыновить отпрыска одного из их знатных семейств (Аспурга?).⁸ Если это так, то она добилась сво-

⁵ Другие точки зрения см.: Болдырев 1999: 30-38; Денисова 2000: 258-263.

⁶ Историографию вопроса см.: Сапрыкин 1985: 65 сл.

⁷ В данном случае можно согласиться с М.И.Ростовцевым, который считал, что «аспургиане есть не племя, а та дружина царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии» (Ростовцев 1916: 16).

⁸ Может быть, в силу этого Дион Кассий говорит, что сын Аспурга, Митридат VIII, вел свой род от знаменитого Митридата Евпатора (Dio Cass. LX, 8). Ранее Ю.Г.Виноградов высказал предположение, что Аспург мог быть приемным сыном Асандра (Виноградов 1994: 153). Не исключено, что именно с наследником трона и сопровождавшими его лицами прибыл в Рим некий боспорянин Аспург, сын Биомаса, выступавший там в роли переводчика сарматов и похороненный в императорском колумбарии первой трети I в.н.э. (Moretti 1972: 567).

ей цели и аспургиане последовательно боролись с навязанным Боспору римским ставленником. Тем более, что война на Азиатском Боспоре после ухода римлян затянулась надолго. Полемон совершает поход против Танаиса, подвергнувшись разгрому (Strab. XI, 2,3; Шелов 1970: 226-234; Болтунова 1969: 61).⁹ В конце I в. до н.э. гибнут и такие укрепления, как резиденция Хрисалиска (Сокольский 1976: 39, 108), крепость на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана (Сокольский 1965: 87), крепость у ст. Анапской близ Горгиппии (Алексеева 1988: 69), Раевское городище и поселение у Широкой балки (АГСП 1984: 91-92).

Видимо, Полемон вовсе не собирался гарантировать особый статус аспургиан в своем царстве, хотя, возможно, такие переговоры и велись (Strabo. XI, 2,11), что обусловило их последовательную борьбу с ним, в которой, в конце концов, царь и погиб. Скорее всего, одним из аспургианских вождей, сыгравшим важную роль в этих событиях, был Матиан¹⁰, сын Заидара, известная надгробная стела которого, найденная на территории Темрюкского района (рис. 1), была поставлена от имени царицы Динамии «памяти ради» (Яйленко 1995: 220-224). Для Боспора это уникальный случай постановки надгробия от имени царствующего лица, что предполагает особые заслуги погребенного и особый характер отношений с правящим домом. В верхней части стелы находится тщательно проработанный рельеф с изображением всадника. Это работа явно не рядового мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера, не характерных для Боспора: высокие кожаные сапоги на ногах воина, подстриженную «городками» гриву и нахвостник лошади.¹¹ Последние особенности определены связаны с восточной кочевой средой и не привились на Боспоре. Так стрижка гривы «городками», кроме рассматриваемого рельефа, отмечена лишь на одном из надгробий (Матковская 1992: 404: Табл. V, 7), а в росписях более поздних пантикапейских склепов второй половины I — первой половины II вв. (Стасов-

Рис. 1. Надгробие Матиана, сына Заидара, из собрания Темрюкского музея

кий склеп 1872 г. и склеп 1873 г.) присутствует среди изображений конных противников боспорцев.¹² Указанием на ближайший к Боспору регион, где была распространена такая мода, служит гравированный рисунок на серебряном сосуде из погребения середины I в. у с. Косика Астраханской области, где эта деталь имеется (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 154; Трейстер 1994: 180: рис. 7).¹³ Круг более ранних аналогий подобного рода гораздо шире, от Пазырыка до Китая (Maenchen-Helfen 1957: 95-137; Rawson 1996: Fig. 100b). Для данного ареала характерны и кожаные нахвостники (Зеймаль 1979: рис. 36; Маршак 1987: 235,236; Маслов 1999: 227). Помимо стелы Матиана, они представлены на нескольких боспорских надгробиях с изображениями всадников (см., напр.: ОАК за 1891 г., с 64; АДЖ: Табл. LXXXIV, 1-2;

⁹ В примкнувшем к антиполемоновскому движению Танаисе Динамия определенно пользовалась поддержкой со стороны местного населения, о чем свидетельствует фрагмент постаменты статуи воздвигнутой в ее честь (Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995: 217-219). То же можно сказать и относительно племенного мира Азиатского Боспора и его пограничья, судя по всему, наводненных родственниками царицы благодаря брачной политике ее деда (App. Mithr. 102).

¹⁰ Интересно отметить совпадение этого имени с этнонимом «матианы», который Плиний Старший называет наряду с аорсами и сирматами в перечислении племен, населяющих прикаспийские области (Plin. NH. VI, 48).

¹¹ Впервые использование на Боспоре нахвостников, аналогичных образцам из сакского мира, отметил С.А.Яценко в связи с анализом росписи склепа Анфестерия (Яценко 1995: 189).

¹² Помимо этого, наличие стрижки гривы «городками» мы видим в изображениях конных боспорских царей Савромата II (на монете) и Рескупорида III (на пластине золотого погребального венка) (Maenchen-Helfen 1957: Fig. 3,4), что, скорее всего, являлось данью традиции в силу сарматского происхождения правящей династии, а также на граффито конца II — первой половины III вв. н.э. из Илурата, в составе гарнизона которого было много выходцев из сарматских племен (Шургая 1983: Рис. 4; Горнчаровский, Никоноров 1987: Рис. 1).

¹³ В этом отношении заслуживает внимания и оригинальная тамга на происходящей отсюда же серебряной ложке (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 151 сл.). Точно такой же знак помещен на монетах Аспурга (Голенко, Шелов 1961: 12-14; Карышковский 1973: 15-16; Фролова Н.А. 1979: 142) и на кирпичах, производившихся в керамических мастерских Горгиппии (Цветаева 1975: 99).

Иванова 1961: Рис. 55; Десятчиков 1972: Рис. 1-3; Савостина 1992: 382, №31, 385, №39; 386, №40, 41; Матковская 1992: Табл. II, 4; V, 7).

Значительный интерес представляет вооружение всадника на стеле Матиана. Его анализ позволяет связать инновации, появляющиеся в военном деле Боспора на рубеже н.э., с аспургианами, составившими ударную силу местной кавалерии. В частности, в настоящее время это самое раннее изображение катафрактария в боспорском искусстве. Облаченный в короткий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копье, которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы.¹⁴ Любопытно, что копье в данном случае опирается на четко показанный горизонтальный выступ седла, очевидно, имевшего элементы жесткой основы.¹⁵

С правой стороны у всадника приторочен лук «гуннского» типа со спущенной тетивой и колчан для стрел. Таким образом, теперь можно говорить, что подобные луки появляются на Боспоре уже к началу н.э., как и в зоне азиатских степей (Хазанов 1971: 31), а не позднее (Десятчиков 1972: 72). Составные луки «гуннского» типа с костяными накладками имели большие размеры, негнущуюся рукоять и эластичные плечи, что увеличивало их дальнобойность. Их изображения на боспорских фресках и рельефах (K-W №574, 626, 650; АДЖ: Табл. LXXXIX, 2; Шкорпил 1914: 75, №6; Иванова 1961: рис. 82, 89, 90; Боспорские надгробные рельефы 1990: 58, №48) показывают, что здесь они носились таким же образом, как и в среднеазиатском регионе, у поздних парфян и персов сасанидского периода (Никонов, Худяков 1999: рис. 3, 4, 6; Nicolle 1996: 7ff, fig. 1,2,4,5; pl. A-C), т.е. на правом бедре, со спущенной тетивой, в колчане с отделением для стрел или длинном узком чехле, перевязанном ремнями. Видимо, это было вызвано соображениями удобства и необходимостью сохранения упругости длинного составного лука.

Возвращаясь к надписи на стеле и ее датировке, вряд ли, вслед за В.П.Яйленко, можно считать, что дата постановки надгробия Матиана — период борьбы с Полемоном в 13-9 гг. до н.э. (Яйленко 1995: 224). Это могло быть сделано и позднее. Действительно, если придерживаться давней гипотезы о втором единоличном правлении Динамии¹⁶ в 8 г. до н.э. — 7 г. н.э., становится понятным большое количество над-

писей, сделанных от имени Динамии или в ее царствование. Их все-таки девять, в отличие от двух, относящихся к Асандру и четырех — к Аспургу, а ведь эти цари пребывали у власти достаточно долгое время. Как правильно отметил В.Н.Парфенов, если допустить личное знакомство царицы с Августом и Ливией, вполне логичным становится решение римским принцепсом после смерти Полемона вопроса о власти над Боспором в ее пользу, в ущерб интересам Пифодориды. Отсюда и благодарность Динамии, выразившаяся в установке статуй императорской четы в трех крупных городах царства — Пантикапее, Фанагории и Гермонассе, и чеканка, начиная с этого времени, золотых статов с портретами Августа и Агриппы (Парфенов 1997: 132). Тогда же боспорские вспомогательные части появляются в составе римских войск, размещенных в Малой Азии. Например, в надписи 8/7 г. до н.э. из Антиохии Писидийской упоминается префект Боспорской когорты (ILS. 9503).

Обращают на себя внимание ровные аккуртные буквы надписи одинаковой высоты, четко вырезанные по тонко прочерченным линейкам и такие элементы курсивного письма, как выступающее над вершиной буквы продолжение правой боковой галсы у *альфы*, *лямбды* и *дельты*. Ранее считалось, что эти детали письма появляются на Боспоре не ранее 14 г. н.э. (Болтунова, Книпович 1962: 21). Следовательно, стелу Матиана правильнее отнести ко времени около рубежа или к самому началу н.э., когда вернувшаяся к власти Динамия могла отблагодарить своих верных сторонников и они занимают почетное место при ее дворе или в системе управления царством. Судьба Матиана и его потомков, судя по всему, оказалась связанной с Азиатским Боспором. В частности, это редкое, иранское по происхождению, имя упоминается в недавно найденном декрете из Танаиса. По предложению «проэдров Совета [танаитов], что на Боспоре» в нем чествуется некий сын Матиана, воспитанный приемными родителями, явно занимавший видное место при дворе и оказавшийся, судя по сохранившимся фрагментам надписи, полезным для «царя царей и отечества» (Беттгер, Виноградов 1994: 68; Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995: 222, 223: Abb. 6). Авторы публикации текста декрета предложили датировать его временем правления Савромата I (93-120), когда Танаис в полной мере возрождается как урбанистический центр и обносится оборонительными стенами, но это мнение нельзя считать окончательным. Надпись демонстрирует дальнейшее развитие того курсивного письма, которое уже было отмечено для стелы Матиана, сына Заидара, и вряд ли их может разделять почти целое столетие. В то же время, термин «отечество» в связи с царской титулатурой впервые зафиксирован в манумиссии 41 г. н.э. из Горгииппии (КБН 1123). Поскольку она была поставлена в правление царя

¹⁴ Та же деталь присутствует на известном надгробии Афения, где нижний конец копья катафрактария выходит за край рельефного поля стелы (Десятчиков 1972: 74: Рис. 1-3).

¹⁵ Это наблюдение сделано автором при осмотре надгробия на экспозиции Темрюкского музея в 1999 г.

¹⁶ Дополнительные аргументы в пользу того, что Динамия была жива после 12/11 г. до н.э., см.: Яйленко 1990: 143 сл.

Рис. 2. Фрагмент росписи склепа Анфестерия с изображением всадника.

Митридата VIII, не кажется слишком смелым предположение о том, что он же фигурирует и в танаисском декрете. Во всяком случае, восстановление им титула «царя царей», восходящего к знаменитому предку, Митридату VI Евпатору, было бы вполне естественным в период его открытого противостояния Риму. Тогда чествуемое лицо, скорее всего, сын того самого Матиана, заслуги которого были отмечены царицей Динамией.

Часть аспургиан, видимо, находилась на военной службе в столице в качестве царской гвардии. В этой связи интересно отметить, что все этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в изображении конного воина с оруженосцем на фреске пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа (рис. 2), который принято датировать последними десятилетиями I в. до н.э. или началом следующего столетия (АДЖ: 182: Табл. LI, 6). Сам сюжет росписи и приемы, которыми пользовался создавший ее мастер сопоставимы с сарматскими религиозными представлениями (путешествие в загробный мир) и художественными традициями (изображения лошадей с вставками, имитирующими изделия торевтики т.н. «бирюзово-золотого стиля»¹⁷) (Яценко 1995: 189-192). Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что тут был захоронен выходец из аспургианской знати, и, видимо, это был далеко не единственный ее представитель, удостоившийся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание открытие в ближайшем соседстве со склепом Анфестерия еще двух

¹⁷ Это наблюдение С.А.Яценко можно дополнить, если обратить внимание на трактовку ног коня, показанных вытянутыми и параллельными друг другу. Такая манера достаточно характерна для памятников азиатского искусства (Руденко 1962: Табл. I, 5; IV, 5; Маслов 1999: 228; Ghirshman 1962: Abb. 342,345; Rudolf, Wen Yu 1951: Pl. 39) и, видимо, связана с теми боспорскими мастерами, которые не придерживались античных художественных традиций (см., напр.: АДЖ: Табл. LXIV, 1; LXXXIV, 3; Шургая 1983: Рис. 1, 4).

погребальных памятников, демонстрирующих «поразительное сходство» с ним по архитектуре, особенностям стиля и живописи (АДЖ: 196). Имеются в виду склеп Алкима, сына Гегесиппа, и склеп 1891 г. (АДЖ: 170, 175, 183, 184). В первом из них, возможно, принадлежавшем брату Анфестерия (IOSPE, II, 123; АДЖ: 175), справа от входа была вырезана сарматская тамга (АДЖ: Табл. L, 2; Драчук 1975: табл. XII, 945), близкая по типу к царским знакам Боспора¹⁸, во втором, как и в склепе Анфестерия, присутствует сцена с юртой и выездом конного воина (АДЖ: Табл. LII, 1).¹⁹ Если наши наблюдения верны, то аспургиане достаточно быстро адаптировались к местному варианту позднеантичной цивилизации. Некоторые из них вошли в состав правящей элиты, восприняв греческие имена, язык и отчасти религиозные представления.²⁰ Данное обстоятельство в дальнейшем облегчило приход к власти на Боспоре представителя новой, сарматской династии — Аспурга (14-38 гг. н.э.). Вероятно, этому предшествовали военные действия против других претендентов на трон. Во всяком случае, если судить по типам золотых и медных монет, выпущенных на Боспоре, начиная с 8 г. н.э., у него был, по крайней мере, один предшественник (Фролова 1979: 143; Анохин 1986: 149; Яйленко 1990: 164). Неспokoйно на Боспоре было и в 14 г. н.э., в период поездки Аспурга в Рим, где Тиберий закрепил за ним титул царя. Это совершенно определенно явствует из горгиппийского декрета, в котором говорится, что город в отсутствие царя оставался спокойным, видимо, в отличие от других областей государства (Блаватская 1965: 35 сл.). В данном случае помощь со стороны

¹⁸ В нижней части знака присутствует триденс, являющийся постоянным элементом для группы тамгообразных знаков боспорских царей (Шелов 1966: 268-277; Драчук 1975: 63). Таким образом, склеп явно принадлежал знатному лицу, возможно, родственнику правящей династии.

¹⁹ М.И.Ростовцев считал, что эта гробница относится к «несколько более позднему времени», чем две другие, но не выходит за пределы первой половины I в. н.э. При этом некоторое хронологическое указание дает находка «в земле, наполнявшей вход в катакомбу», монеты Митридата VIII (39-45 гг. н.э.) (АДЖ: 195, 198). Обращает на себя внимание и изображение на западном простенке входной стены статуи Тихе (Фортуны) с рогом изобилия и корабельным веслом на темно-коричневом пьедестале (АДЖ: Табл. LIV, 1). Такого рода изображения, видимо, были достаточно распространены на Боспоре именно в начале правления упомянутого царя в связи с его политикой по отношению к Риму (Горнчаровский 2000: 255 сл.). Особую популярность этот образ, очевидно ассоциировавшийся с каким-то иранским божеством, имел и среди осевших на Боспоре аспургиан уже со второй половины I в. до н.э. (Сокольский 1975: 27 сл.; Рис. 4).

²⁰ Как отмечает М.И.Ростовцев, для всех упомянутых склепов характерен «неопределенный религиозный синкретизм различных мотивов и сцен» (АДЖ: 194).

соплеменников могла оказаться решающей и в дальнейшем им, очевидно, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования (Gajdukevič 1971: 328 ff.; Сапрыкин 1985 а: 66; Виноградов 1994: 152-154).

Военно-политическая активизация сарматов при Аспурге реализовалась в военных действиях на границах государства. Так, в его титулатуре упоминаются ранее не включавшиеся в нее племена тарпетов и танаитов (КБН №39,40). Там же отмечается, что он подчинил скифов и тавров. Собственно, напряженная ситуация на западных рубежах Боспора возникла уже с конца I в. до н.э. и, видимо, вылилась в оборонительный союз с Херсонесом. Так, в одной из надписей царь Полемон именуется «спасителем херсонесцев» (IPE, II, 704). Судя по всему, ту же политику проводила позднее Динамия, послу которой была устроена в Херсонесе торжественная встреча (IPE, II, 354). Но только Аспургу удалось добиться серьезного успеха на этом направлении. Об этом мы знаем из посвященной надписи Менестрата, носившего титул начальника острова (КБН №40), и другого посвящения, датирующегося 23 г. (КБН №39). С победой Аспурга над скифами и таврами можно связать установку его статуи в Херсонесе (IPE, II, 704) и появления на боспорских монетах времени его правления головы Ареса и трофея (Гайдукевич 1948: 325; Анохин 1984: 150: табл. 40, 46).²¹ О событиях военного характера, связанных с Неаполем Скифским, свидетельствуют и археологические материалы, которые дают основание говорить об усилении в начале I в. н.э. местной оборонительной системы, пожарах в городе и пригороде (Колтухов 1990: 187) и последующем восстановлении построек во второй четверти того же столетия (Пуздровский 1999: 108).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. 1988. Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков н.э. // ВДИ. №2.
 Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
 Беттгер Б., Виноградов Ю.Г. 1994. Результаты исследований совместной русско- немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТД VII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
 Блаватская Т.В. 1965. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. №3.
 Болдырев С.И. 1999. О времени переименования Фанагории в Агриппию. // ДБ №2.
 Болтунова А.И. 1969. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. №2.
 Болтунова А.И. 1989. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы. // ВДИ. №1.
 Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э.- III в. н.э.

²¹ Существование дружественных отношений с варварским окружением на азиатской стороне Боспора может объяснить первоначальное отсутствие укреплений в восстановленном после полемоновского разгрома Танаисе (Толстиков 1981: 21).

Правда вряд ли, вслед за Д.С.Раевским, можно говорить об оккупации Боспором всей или почти всей крымской части скифского царства, включая его столицу (Раевский 1973: 115). Так, Ю.Г.Виноградов считает, что термин $\epsilon\upsilon\tau\omicron\alpha\zeta\alpha\zeta$, употребленный в КБН №39, 40, «не обозначал полной интеграции Скифского государства, но лишь приведение его в состояние трибутивно-вассальной зависимости» (Виноградов 1994: 155). Не исключено, что Аспургу удалось добиться утверждения там своего ставленника и создания боспоро-скифского союза. Эта точка зрения в свое время была высказана Д.С.Раевским на основе отмеченных им изменений всего обряда и инвентаря некрополя Неаполя Скифского (Раевский 1973: 119). Она находит подтверждение в надписи из Неаполя Скифского, где упоминается царь Ходарз, сын Омсалака, при этом шрифт надписи имеет «наиболее близкие палеографические параллели в лапидарных документах времени Динамии и Аспурга» (Виноградов 1994: 155).

В это время Боспор, опиравшийся на подкреплявшийся родственными связями союз с сарматскими племенами Азиатского Боспора, по-видимому, представлял собой серьезную силу, которая контролировала военно-политическую ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье. Стабилизация положения в данном регионе нашла свое выражение и в укреплении контактов с Римом, т.к. только в 23 г. н.э. в титулатуре Аспурга появляется такой элемент, как $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ (КБН №40). Возможно, с ним связано и принятие боспорскими царями имени Тиберий Юлий (Щукин 1996: 205; Ср.: Яйленко 1990: 171 сл.). Такое положение дел сохранялось на Боспоре вплоть до 40-х гг. I в., когда здесь развернулись события, связанные с выступлением Митридата VIII против Рима.

1990. Каталог выставки. Л.
 Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. №2.
 Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л.
 Голенко К.В., Шелов Д.Б. 1961. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1961 гг. // НС. Вып. 1.
 Голубцова Е.С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.
 Горончаровский В.А., Никоноров В.П. 1987. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии). // ВДИ. №1.
 Горончаровский В.А. 2000. Терракотовая статуя женского божества из раскопок Илурата: Афродита или Фортуна? // ΣΥΣΣΙΤΙΑ.
 Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. до н.э. у с. Косика Астраханской области. // ВДИ. №3.
 Денисова В.И. 2000. Боспор конца I в. до н.э.- начала I в. н.э. (к проблеме переименования городов). // ΣΥΣΣΙΤΙΑ.
 Десятчиков Ю.М. 1972. Катафрактарий на надгробии Афения. // СА. №4.
 Десятчиков Ю.М. 1974. Процесс сарматизации Бос-

- пора. Автореф. канд. дисс. М.
- Драчук В.С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев
- Зеймаль Е.В. 1979. Аму-Дарьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Иванова А.П. 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев.
- Кадеев В.И. 1981. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков.
- Каллистов Д.П. 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье. // ВДИ. №2.
- Карышковский П.И. 1973. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья. // ТД. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л.
- Колтухов С.Г. 1990. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского. // СА. №1.
- Ланцов С.Б. 1999. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак — Афинеоне (?) Псевдо-Арриана. // ВДИ. №1.
- Максимова М.И. 1956. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.-Л.
- Маршак Б.И. 1987. Искусство Согда. // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.
- Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Масленников А.А. 1995. Полемон I на Боспоре. // БС. №6.
- Маслов В.Е. 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. // Евразийские древности. М.
- Матковская Т.А. Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э. — II в. н.э. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 10.
- Никоноров В.П., Худяков Ю.С. 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск.
- Пуздровский А.Е. 1999. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. — III в. н.э. // ВДИ. №4.
- Раевский Д.С. 1973. Скифы и сарматы в Неаполе Скифском. // Проблемы скифской археологии. М.
- Ростовцев М.И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. // Древности. Тр. Имп. Моск. археол. общества. Т. XXV. М.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.
- Руденко С.И. 1962. Сибирская коллекция Петра I. // САИ. Вып. Д3-9.
- Савостина Е.А. 1992. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 10.
- Сапрыкин С.Ю. 1985 а. Аспургиане. // СА. №2.
- Сапрыкин С.Ю. 1985 б. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
- Сапрыкин С.Ю. 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии. // СА. №3.
- Сапрыкин С.Ю. 1995. Женщины-правительницы Понта и Боспорского царства (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена). // Женщина в античном мире. М.
- Сапрыкин С.Ю. 1996. Понтийское царство. М.
- Сокольский Н.И. 1957. Валы в системе обороны европейского Боспора // СА. XXVII.
- Сокольский Н.И. 1963. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София.
- Сокольский Н.И. 1965. Новые памятники синдской скульптуры. // КСИА. Вып. 100.
- Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре. // КСИА. Вып. 143.
- Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Соломоник Э.И. 1990. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь.
- Толстиков В.П. 1981. Фортификация античного Боспора. Автореф. канд. дисс. М.
- Толстиков В.П. 1992. Неизвестные страницы истории Боспорского царства. // СГМИИ. Вып. 10.
- Трейстер М.Ю. 1993. Римляне в Пантикапее. // ВДИ. №2.
- Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики). // ВДИ. №1
- Устинова В.О. 1969. Аспург та аспургиани. // Вісник Харківського університету. №35.
- Фролова Н.А. 1979. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре. // ВДИ. №1.
- Цветева Г.А. 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии. // КСИА. Вып. 143.
- Шелов Д.Б. 1966. Тамга Риметалка. // КАМ.
- Шелов Д.Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III-I до н.э. М.
- Шкорпил В.В. 1914. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. №54.
- Шургая И.Г. 1983. Изображения всадника и коня из Илурата. // КСИА. Вып. 174.
- Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Яйленко В.П. 1987. Материалы по боспорской эпиграфике. // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
- Яйленко В.П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I. // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Причерноморья. М.
- Яйленко В.П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.
- Яценко С.А. 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия». // ВДИ. №3.
- Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov Ju.G. 1995. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994. // EA. Bd.1.
- Funck 1986. Das Bosporianische Reich und Rom zur Zeit des Kaiser Augustus. // Altertum. Bd. 32. H.1
- Gajdukevich V. 1971. Das Bosporianische Reich. Berlin.
- Maenchen-Helfen O. 1957. Crenelated mane and scabbard slide. // CAJ. Vol. 3. N. 2.
- Moretti L. 1972. Inscriptions Graece urbis Romae. // Studi pubblicati dell'Istituto Italiano per la storia antica. XXII, 1-2.
- Nicolle D. 1996. Sassanian armies. Dewsbury.
- Parfenov V. 1996. Dynamis, Agrippa und der Friedenaltar. Zur militarische und politische Geschichte des Bosporianische Reiches nach Asandros. // Historia. Bd. 45. 1.
- Rawson J. 1996. Mysteries of ancient China. New discoveries from the Early Dynasties. L.
- Rose Ch.B. 1990. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis. // AJA. Vol. 94. Nr. 3.
- Rudolf R.S., Wen Yu. 1951. Hun tomb art of West China. Berkley-Los Angeles.